

Артурас Дубонис

К вопросу о влиянии соседей на литовское общество в период становления Литовского государства

Литовское государство с самых своих начал «получило» цивилизационно более развитых соседей, с сильными хозяйственными, административными, социальными, политическими, военными структурами. Как следствие, их влияние на литовское общество было неизбежно. В силу сложившихся исторических обстоятельств литовско-русские взаимоотношения прослеживаются наиболее ярко, посвященные им исследования насчитывают не одну сотню лет. До выхода в свет книги В.Т. Пашуто, посвященной анализу проблем литовской государственности¹, излюбленным представлялся тезис М.К. Любавского о том, что хотя Подвинская и Поднепровская Русь и попала под власть литовских князей, все же она смогла внедрить свой исторический опыт господствующей земле, которая по примеру Западной Руси ввела у себя русский язык, русские институты, русское право и даже русскую веру – Литовская Русь стала своего рода продолжательницей истории Руси Киевской². На исходе XX в. этот тезис не столь прямолинейно развивают некоторые белорусские историки: предлагается версия образования некоей балто-славянской³ или белорусско-литовской⁴ державы.

Весьма раннее влияние древнерусской государственности на политическую эмансипацию колонизировавших Русь литовских дружин доказывал знаменитый историк Литвы Генрих Ловмянский. Во многом именно из литовской дружины он выводил образование политической организации Литвы: наиболее сильная дружина под началом Миндаугаса (Миндовга) подчинила себе литовское общество⁵. Наряду с древнерусским он отмечал

1 Пашуто В. Т. *Образование Литовского государства*. М., 1959. 532 с.

2 Любавский М. *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*. М., 1915. С. 1.

3 E. Gudavičius, "Following the Tracks of a Myth," *Lithuanian Historical Studies* 1, (1996), 38–58; Краўцэвіч А. К. *Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага*. Мінск, 1998; см. также рецензию: [A. Dubonis,] *Lithuanian Historical Studies* 4 (1999), 151–157; и ответ автора: *Гістарычны альманах*. Т. 5. Гародня, 2001. С. 168–172.

4 *Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў двух тамах*. Т. 1: А–К, рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гл. рэд.) і інш., Мінск, 2005. С. 5.

5 H. Łowmiański, *Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*, t. 2 (Wilno, 1932), 348–351.

и значительное влияние Ливонского ордена – особенно на организацию фискальной структуры Литвы⁶. Хотя мнение Г. Ловмянского представляется излишне категоричным (и, видимо, благодаря этому не утвердилось в историографии), тем не менее, исследования ученого подсказывают, где следует искать те слои общества, которые были наиболее восприимчивы к внешним влияниям.

Любая попытка определить в Литве середины XIII в. конкретную социально-политическую структуру, которой по силам перенять стандарты жизни соседей и перенести их необходимые элементы на литовскую почву, приводит к единственно возможному ответу – это правящая семья (патронимия) короля Миндаугаса и тесно с ним связанная литовская знать. Скудные исторические данные все же проливают некоторый свет на то, как в официально с 1251 г. крещенную Литву приходят нормы организации феодального общества, которые в большей или меньшей мере уже несколько столетий функционируют в христианской Европе. Их внедрение начинается лишь в самой верхушке литовской правящей элиты. Миндаугас со своим княжеством, т.е. Литовским государством, комендировался папе римскому и получил свои владения обратно от сюзерена в управление на праве вечного лена, но уже как собственность престола св. Петра⁷. Власть христианского князя Миндаугаса в Литовском государстве стала легитимной. Есть и другой факт превращения литовской дофеодальной земельной собственности (аллода) в феод. Это событие датируется 5 апреля 1268 г., т.е. пять лет спустя после гибели короля Миндаугаса. Скрывшийся от политических соперников в Риге *nobilis* из Нальшайской земли Литвы (Нальшаны) Суксе (в крещении Николай) с братом стали вассалами рижского архиепископа Альберта после того, как отдали последнему свои утраченные владения и получили их обратно от сюзерена в форме феода⁸. К этому следует добавить, что рижского настоятеля теперь ожидала забота освобождения владений своих новых вассалов от литовских язычников. Этот постминдаугасовый факт приводится по той причине, что в такую же связь ленной зависимости от Рижского архиепископа Николая в 1250 г. должен был войти изгнанный

6 Ibidem, 352–354, 363–367.

7 *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae* (далее – VMPL), t. 1 (1217–1409), ed. A. Theiner (Romae, 1860), Nr. 102 (p. 49).

8 M. Perlbach, “Urkunden des Rigaschen Capitel-Archives in der Fürstlich Czartoryskischen Bibliothek zu Krakau,” *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*, Bd. 13 (Riga, 1886), 17–18: ... *Suxe sive Nicholaus nobilis de Lettowia de provincia Nalsen ... omnem hereditatem suam in terris, nemoribus et in aquis ..., quam in provincia Nalsen a progenitoribus suis noscitur possedissee, ad manus nostras ... libere resignavit et postmodum tam pro se, quam pro fratre suo absente recepit a nobis in feudum ...*

из Литвы конкурент князя Миндаугаса, племянник Таутвилас (Товтивил)⁹. Сравнивая оба эти факта, можно сделать вывод, что Таутвилас стал вассалом архиепископа, фактически подарив ему свои потерянные обширные владения в Литве. Этим он усложнил и до того трудное положение своего дяди. В конечном итоге это привело в действие программу крещения Миндаугаса и возведения его власти в ранг королевской, предложенную магистром Ливонского ордена (в обход рижского архиепископа). Расширяя поиск фактов внедрения норм феодального общества на литовскую почву, следует обратить внимание на фальсификат донации короля Миндаугаса, датированный июнем 1260 г. Им сфальсифицирована воля короля, что в случае своей смерти без наследника Миндаугас дарит всю Литву Ливонскому (т.е. и Немецкому) ордену. С другой стороны, достоверность данных донации о персоналиях и их отношении к королю Литвы не вызывает сомнений. По ней мы можем наблюдать, какую часть литовского общества стал охватывать процесс феодализации. Это лишь некоторые кровные родственники короля *consanguinei*, – ярко представлен племянник по материнской линии Ленгвенис (Ленгвений, *Languinus*), – и приближенная к королю литовская знать. В упомянутой донации свидетелей воли короля называют его баронами и родственниками: ... *Huius autem donationis testes sunt ... Languinus, sororius noster, Lygeike, Sthabbe, Bixe (Bune), nostri barones et consanguinei...*¹⁰ Именно баронами (*barones*), согласно нормам западноевропейского феодализма, называли знатных вассалов королей, в том числе родственников, наделенных сюзереном бенефициями и ленами¹¹. На географической карте Литвы мы найдем немало топонимов, названия которых совпадают с именами приближенной к королю Миндаугасу литовской знати, среди которой и вышеназванные бароны. Проф. Э. Гудавичюс провел обширное исследование, определяя ценность информации исторической топонимики Литвы XIII в.¹² Он сделал вывод, что владения королевской знати („вассалов,

9 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 816: ... ѿтуда же Тевтивиль . иде с полономъ Даниловымъ в Ригоу . и приаша Рижани с великою ч(с)тью . и кр(с)щнь бы(с) . оувѣдав же се Миндо-го . тако хотать емоу помогати . Бѣии дворанѣ . и пискоупъ . и вса вои Рижкаа ...; стб. 817: Тевтивилоу же исповѣдѣ пискоупъ . и пребощъ . Вирьжань сожалишаси по немь . вѣдахоу бо аще Тевтивиль . не бы изгнанъ . Литовская земля в роукоу бѣ ихъ . и кр(с)щние неволею приали быша ... E. Gudavičius, *Mindaugas* (Vilnius, 1998), 215–216.

10 *Preußisches Urkundenbuch. Politische Abteilung*, Bd. 1, H. 2 (далее – PUB-1/2), Hrsg. A. Seraphim (Königsberg i. Pr., 1909), № 106. Сохранились два трансумпта данной грамоты с датами 1392–1393 гг., см., там же, с. 93–95. По поводу аутентичности грамот Миндаугаса, см.: K. Maleczyński, “W sprawie autentyczności dokumentów Mendoga z lat 1253–1261,” *Ateneum Wileńskie*, 11 (1936), 1–56.

11 Du Cange, *Glossarium mediae et infimae Latinitatis*, t. 1 (Niort, 1883), 579–581.

12 E. Gudavičius, “Bandyamas lokalizuoti XIII a. lietuvių kunigaikščių valdas, *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai*,” A ser. (далее – MADA), 1984, t. 3, 69–79.

баронов”) были лишь аллодами по своему происхождению – крупными аллодами знати, согласно термину Гудавичюса¹³. Мы же видим – когда обстоятельства складывались удачно, эта аллодиальная собственность знатных литовских князей и нобилей формально могла превратиться в феодальную (лены, феоды). С другой стороны, кроме указанных двух-трех мы не имеем других фактов, которые бы проливали больше света на масштаб феодализации литовского общества.

Находящиеся же у нас под рукой, свидетельствуют о том, что современные нормы общества распространялись лишь в среде ближайшего окружения короля Миндаугаса, состоящего из родственников и приближенной знати. Король контролировал дело управления землей и рецепцию с ним связанных нововведений. Сделать это замечание нам позволяет дарственная грамота короля Ливонскому ордену от 7 августа 1259 г. В ней подтверждается право некоторых персон *quicumque in regno vel dominio nostro*, конечно знати, Литовского королевства дарить Ливонскому ордену часть от своего движимого и недвижимого имущества:

*... quicumque in regno vel dominio nostro fratribus ipsis de bonis suis tam mobilibus, quam immobilibus in toto vel in parte aliquid dederit, vel in testamento legaverit sive a nobis teneantur in feudo seu dantium vel legantium sint propria, tanquam alia bona sua, que ipsi contulimus, libere possidere valeant perpetuo et habere*¹⁴.

Из приведенных фрагментов видно, что составители документов считали, будто термины им хорошо знакомого феодального мира *feudum, a nobis tenere in feudo, testamentum, barones, donationis testes* якобы подходят и для литовских реалий. Но верно ли это наше замечание? Правда ли, что еще малочисленным литовцам-христианам уже было под силу освоить более развитые нормы феодального общества? Может быть, дело обстоит в имитации современности, чему способствовал формуляр, влиявший на процесс составления документа? И все же в документах короля Миндаугаса находятся достоверные данные о реальном состоянии литовского общества воспринимать социальные инновации, приходящие извне. Грамота от 7 августа 1259 г. с одной стороны явно „завышает“ социальное развитие литовцев. В свидетельство тому можно привести клаузулы грамоты о раздаваемых королем ленах (феодах) *a nobis tenere in feudo*, чего в реальности мы не замечаем, а также о том, что в грамоте право знати дарить бенефиции ограничено единственным адресатом, братьями Ливонского ордена в Литве

13 E. Gudavičius, „Aukščiausia žemės nuosavybė „barbarinėje“ Lietuvoje,” *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai, Istorija*, XXIII, 1983, 3–12; он же, „Baltų alodo paveldėjimas ir disponavimas juo,” *MADA*, 1980, t. 3, p. 55–62; он же, „Baltų alodo raida,” *MADA*, 1979, t. 4, 95–103.

14 *PUB-1/2*, № 79.

(... *quicumque in regno vel dominio nostro fratribus ipsis de bonis suis tam mobilibus, quam immobilibus in toto vel in parte aliquid dederit, vel in testamento legaverit ... seu dantium vel legantium sint propria, tanquam alia bona sua, que ipsis contulimus, libere possidere valeant perpetuo et habere*). И это последнее положение указывает прямо на то, что феодализация землевладения и части общества под влиянием Ливонии в Литве все-таки имела место. В частности, на данном примере видно, как появляются новые инструменты управления движимым и недвижимым имуществом в Литве: возможность распоряжаться своей собственностью и после смерти, при посредничестве тестамена.

Итак, следует, что самая верхушка литовского общества, – королевский род и с ним связанная знать, – с большим или меньшим успехом, была в состоянии принять социально-политические инновации у более развитых христианских соседей. И не демонстрировала враждебности новшествам, связанным с распространением новой веры.

Открытость короля западнохристианскому влиянию способствовала решению некоторых важных внутривосточных проблем. Миндаугас успешно решил вопрос наследника своего престола. Никто лучше, чем он, главный участник и победитель кровавой борьбы за верховную власть в Литве в 40-х годах XIII в., не знал, чем оборачивается отсутствие четких правил наследования в правящей патронимии или в семье. Решить этот вопрос ему помогли вассальные отношения с папой. Король правил леном престола св. Петра, именуемым Литва, вследствие чего кровные родственники боковых линий лишались прав на престол королевства, право правления которым полностью было отдано в руки семьи Миндаугаса. Он сделал вполне предсказуемый шаг: у сюзерена Литвы, папы римского, выхлопотал право еще при жизни короновать одного из своих сыновей своим наследником. ... *Nos ... tuis supplicationibus inclinati ... qui dilectum filium Nobilem virum – – natum tuum ad honorem dei et sancte Romane ecclesiae in Regem Lethovie auctoritate nostra coronet, tenore presentium indulgemus*, – писал папа в 1255 г.¹⁵ Такими политически обусловленными правовыми решениями была положена основа территориальной целостности королевства.

Контакты с западным христианством стали влиять на становление господствующей идеологии Литовского королевства. Особенно ярко это выражено в отношении язычников и православных соседей. Наглядная аксиома гласит: литовское проникновение на земли Руси созрело на литовской почве еще в догосударственное время. Миндаугас стал придавать этой политике важный атрибут, заимствованный из арсенала католической Европы – идеологию распространения веры. В своих грамотах от 17 июля 1251 г. и 6 марта

15 Грамота папы Александра IV от 06.03.1255 г. королю Миндаугасу по поводу коронации одного из его сыновей королем Литвы, *VMPL*, № 123-1 (с. 60–61).

1255 г. папы Инокентий IV и Александр IV писали о намерениях литовского короля встать в ряд миссионеров католической веры. Одним из объектов литовского католического миссионерства должны были стать блуждающие на неверном пути жители Руси, а другим – соседние племена и земли язычников. Ради Христа король собирался их победить силой¹⁶. В итоге, миссионерские предприятия Миндаугасу не принесли желаемых успехов. Он больше терял земли, чем приобретал, не привел на верный путь ни одного схизматика, не крестил ни одного язычника. С другой стороны, в будущем христианская миссионерская идеология могла бы стать мощным оружием в руках литовских монархов, так как под вопрос поставила бы необходимость миссии Немецкого ордена на восточных берегах Балтии. Вдобавок ко всему, эта идеология способствовала бы формированию литовского этнического идентитета. Не секрет, что языческая экспансия на Русь проходила без идеологического сопровождения. Литовское язычество было слишком слабо, чтобы превратиться в идеологию. Такой инородный завоеватель оставлял “старину” завоеванным, и сам часто благодаря православному крещению вливался в их общество. Папой римским санкционированная миссионерская идеология литовскому завоевателю открывала широкие возможности обособиться от завоеванных и заниматься распространением правдивой веры среди схизматиков и язычников.

Король, многие члены его семьи и связанная с ними литовская знать оказались открыты влияниям христианского Запада. Впрочем, сохранились и некоторые данные об отношении более низких слоев общества к попыткам нововведений в королевстве Миндаугаса. В отдельных землях Литвы уже образовывалась достаточно широкая прослойка нобилей, сторонников христианства. Это заметил на коронации Миндаугаса в 1253 г. присутствовавший высокопоставленный священник в трактате “*Descriptio*

16 Грамота папы Инокентия IV от 17.07.1251 г. королю Литвы Миндаугасу по поводу принятия под опеку престола св. Петра его самого, всей его семьи и всех подчиненных ему земель, см. прим. 5: ... *Nos ... Regnum Luthawie, ac terras omnes, quas per divine virtutis auxilium iam eripuisti de infidelium manibus, vel eripere poteris in futurum, in ius et proprietatem beati Petri suscipimus...*; Грамота папы Александра IV от 06.03.1255 г. королю Литвы Миндаугасу по поводу распространения католической веры на Руси и на соседних территориях язычников, *VMPL*, № 123-2 (с. 61): ...*Cum itaque, sicut ex parte tua propositum coram nobis, tu contra Regnum Russie ipsiusque habitatores in infidelitas devio constitutos indefessa strenuitate decertans, nonnullas terras ipsius Regni tue subiugaveris dicioni, nos attendentes, quod te terras habente predictas, vicine paganorum et infidelium regiones de facili poterunt tuo dominio subici et acquiri cultui christiano, tuis benigne precibus annuentes, prefatas terras tibi tuisque successoribus, absque catholicorum quorumlibet preiudicio, auctoritate apostolica confirmamus ...*

Теггарум“, сообщая о том, что в землях Миндаугаса, – в Литве, Нальше и в подвластной королю части ятвягов, – новую веру принимали без труда¹⁷. Надо думать, местная знать содействовала успеху крещения и соответственно, король ей давал больше свободы распоряжаться своей собственностью, например, разрешал дарить братьям Ливонского ордена свое движимое и недвижимое имущество во имя спасения души¹⁸. Спустя три десятилетия после гибели Миндаугаса (1263 г.) появляются первые достоверные данные о том, как именно местная знать может влиять на подавляющее большинство общества – на свободных людей. Знатные управляют свободными. Петр из Дусбурга сообщал, что в конце XIII в. знатные люди Жемайтии (Жемойть) стали заигрывать с Немецким орденом, а центральной власти пришлось часть жемайтов силой отбивать от крестоносцев¹⁹. Таким же образом свою власть на местах устанавливал в 1264 г. сын Миндаугаса Вайшьялга (Войшелк) – в Нальше и Дялтуве (Дяволтва) силой победил противостоящую литовской власти местную знать²⁰. Вне сомнений, на периферии Миндовговичу пришлось сражаться с местными свободными людьми, которыми руководила знать²¹. Значит, вопросы местного управления уже и король Миндаугас в обязательном порядке должен был решать в интересах местной знати. От нее во многом зависела позиция свободного населения перед лицом меняющихся жизненные устои новшеств.

Иными словами, речь идет о сложном вопросе – об организации центральной властью структур местного управления. Литовский материал ярко свидетельствует о том, с какими трудностями сталкивался Миндаугас при отсутствии таковых, если хотел прививать христианскому государству

17 *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai* (далее – BRMS), t. 1: Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos, sud. N. Vėlius (Vilnius, 1996), 245: *Dicti Lectavi, Ietuesi et Nalsani de facili baptizantur...*; подробнее в новейшем исследовании, G. Freibergs, “The Descriptions Terrarum: Its Date, Sources, Author and Purpose,” *Christianity in East Central Europe. Late Middle Ages* (Lublin, 1999), 180–201.

18 См. прим. 10.

19 Petrus de Dusburg, *Cronica terre Prussie, Scriptorum Rerum Prussicarum* (далее – PD) 1 (Leipzig, 1861) 159 [259 (252)]: *...nobiles per quos Samethia tunc regebatur, populum communem contra regem Lethowinorum provocarent, sic quod pluribus vicibus convenerunt contra regem ad bellum, ubi ... ex utraque parte caderent interfecti.*

20 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 862–863: княжащоу же Воишелькови в Литвѣ . и поча емоу помагати Шварно князь . и Василко [...] и приде же Шварно с помощью . в Литвоу к Воишеволкови . и видѣвъ . Воишеволкъ помочъ Шварновоу и Василковоу ѿца своего . и радъ бы(с) велми . и нача пристраватиса и поиде в силѣ тажѣѣ и нача городы имати . во Дявелътвѣ и в Нальщанехъ . городы же поймаивъ . а ворогы своа избивъ.

21 Например, см. историю бегства из Литвы Нальшяйского князя Даумантаса (Довмонт-та). См., S. C. Rowell, “Between Lithuania and Rus’: Dovmont-Timofey of Pskov, his life and cult,” *Oxford Slavonic Papers, New Series*, 25 (1992), 1–33.

обязательные нововведения. Наглядный пример – введение церковной десятины. И в Литве, и во всех остальных крещеных землях балтов данная подать воспринималась враждебно. Поэтому в 1251 г. папа римский от будущих епископов, прелатов и настоятелей приходов Литвы потребовал при поборах ими десятины вести себя кротко и снисходительно, чтобы не наностить урон хрупким росткам литовского христианства²². Несмотря на все попытки папы (и короля?) сделать новую подать сладким бременем для населения, литовский епископ Кристиан не смог обосноваться в подаренных ему 12 марта 1254 г. королем бенефициях в Жемайтии (в половинах Расяйнской, Бетигалской и Лаукувской земель). Право собирать новую подать он сразу же передал братьям Ливонского ордена (6 апреля 1254 г.), а для себя и своего сопровождения оставил часть, которую обязаны были выделять братья во время будущих ежегодных визитаций епископом приходов²³. В этой истории весьма ярко выражена беспомощность центральной власти, пытающейся реализовать свою политику при отсутствии местного аппарата управления. Поэтому братьям Ливонского ордена в Литве даже передавались обязанности исполнительной власти на местах.

В период строительства аппарата местного управления в Литовском государстве в номенклатуре его должностных лиц появляются многие должности с *рускими* названиями. Стоит сравнить два факта. В процессе крещения Литвы 1387 г. в 1389–1392 гг. великий князь уже давал распоряжения управляющим его волостями тиунам заботиться о материальном обеспечении ксендзов и мероприятий во время крещения волостных людей²⁴. И вспомним неудачу епископа литовского Кристиана, которому из-за отсутствия у Миндаугаса структур местной власти в сущности пришлось самому заботиться о своем содержании за счет жемайтских благ. Литовские исследователи, в основном, согласны, что *тиун* – один из наиболее ранних представителей местной администрации великого князя.

22 Письмо папы Иннокентия IV от 15.07.1251 г. епископу Хелмна Гейденруйху по поводу сбора десятины для церкви в подчиненных Миндаугасу территориях, *VMPL*, № 51: *...quod in exigendis ac percipiendis decimis circa predictum Regem ac eiusdem subditos ita se habeant, ut ipsa sub onere ac iugo domini non pressure aut asperitatis tedium, sed lenitatis ac suavitatis invenisse solatium gratulantes, scandalo perturbari non valeant, nec a bono proposito revocari...*

23 Грамота короля Миндаугаса от 12.03.1254 г., которой он наделяет литовского епископа землями в Жемайтии, *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch* (далее – LUB), Hrsg. von F. G. Bunge, Bd. 1 (1093–1300) (Reval, 1853), Spl. 345 (№ 263); Грамота литовского епископа от 6.04.1254 г., которым передает во владение братьям Ливонского ордена подаренные ему королем Литвы земли (*Ibidem*, Spl. 348–349 (№ 266)).

24 *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej* (далее – KDKW), t. 1, zes. 1 (1387–1468), wyd. J. Fijałek i Wł. Semkowicz (Kraków, 1932), № 15, 16, 23.

Доказано, что в XIV в. он имел обязанности великокняжеского наместника в *волости* с государственным двором или замком, который распоряжался хозяйственными, административными и юридическими делами²⁵. Стало быть, ключевые литовские административные термины – древнерусские („волость“ > *valsčius*, „тиун“ > *tijūnas*). Они тесно связаны с процессом трансформации литовской догосударственной *земли* в более современную *во-лость*, которая вместе с должностью тиуна заимствована из Руси. Долго искать не пришлось. Исправно функционирующую в тесно политически с Литвой связанной Полоцкой землей и прекрасно охарактеризованную мы находим ее в источнике второй половины XIII в. Имеем в виду „Поучения“ епископа тверского Симеона, в которых он, на примере своей пастырской деятельности на Полоччине, остро критиковал нехристианское поведение светских должностных лиц²⁶. Вся острота критики была направлена на поведение некоего тиуна полоцкого князя Константина Безрукого. Из речи епископа можно сделать некоторые заключения об организации местного управления Полоцкой землей во второй половине XIII в. Тиун назначался князем и был полностью от него зависимым управляющим волостью: *будет ли князь ... поставляет тиуна или коего волостеля ... , и князь, дав волость лиху человеку губити люди. Князь во ад и тиун с нимь во ад.* В волости тиун управлял территорией, собирал подати и налоги – критике епископа подвергся насильственный их сбор – и вел судопроизводство: *аже ... князь ... исбирает тиуна или коего волостеля ... по закону божию все творяща, и суд ведуща ...*

С другой стороны, есть основания сомневаться в том, что заимствование данной административной структуры в Литве было механическим. Литовские волости образовывались в процессе дробления догосударственных земель²⁷. Великокняжеская власть в волости/земле реализовалась через

25 Тиун представляет власть господаря *aby kaszdy czywon byl yego posluszen yako mnye satemi*; тиун ведет судопроизводство *a ktorzy będą yego ludze wnyektorey krzywdzie, to yemi sprawczye*, см., грамоту короля польского Йогайлы от 10.01.1389 г. его тиунам по поводу строительства костелов в Литве, *KDKW*, t. 1, zes. 1, № 15. Тиуны имеют подчиненных им децких, см. грамоту короля польского Йогайлы от 22.02.1387 г. по поводу распространения католической веры среди литовцев, *KDKW*, t. 1, zes. 1, № 6 (s. 14): Костельные земли и другое имущество изымаются из юрисдикции тиунов: *...eximimus ... ab ... nostrorum officialium* (т.е. тиунов – А. Д.) *iudiciis, castigationibus et penis ministerialibus vulgariter dzeczskye ...* Ср., J. Jurginis, *Baudžlavos įsigalėjimas Lietuvoje* (Vilnius, 1962), 176, 245, 249.

26 *Памятники литературы древней Руси. XIII век.* М., 1981. С. 464–465. До посвящения епископом тверским в 1274 г., Симеон был епископом полоцким, во время правления Трайдена (Тройдена) (1268–1282), умер в 1289 г., см.: А. Dubonis, “Ties Lietuvos ir Maskvos tarpusavio santykių ištakomis,” *Tarp istorijos ir būtovės: studijos prof. Edvardo Gudavičiaus 70-mečiui* (Vilnius, 1999), 57–58.

27 Исследование Э. Гудавичюса, см., *Lietuvių etnogenezė* (Vilnius, 1987), 206–207.

двор господаря (*curia*, лит. *kiemas / dvaras*). Литовский тиун имел одну важную обязанность, следы которой могли сохраниться у жемайтов: он был волостным военачальником низшего звена, т.е. выполнял военные поручения. Это, впрочем, довольно поздние данные. О них узнаем случайно, из спора между воинами Жемайтийского староства и гетманом Великого княжества Литовского Юрием Радзивиллом во время Стародубской войны с Великим княжеством Московским в 1534 г. Дело дошло до самого господаря, и из него узнаем, что за военное администрирование боевых подразделений жемайтских волостей отвечают тиуны. Именно им за невыполнение обязанностей в своем письме угрожал король и великий князь Жигимонт Старый: *кажем у вас, тивунов, за ... непослушенство тивунства ваши отбирати...* На основании письма можно заключить, что тиуны: а) являются полномочными представителями воинов, требуют для жемайтского войска отдельного гетмана, б) требуют, чтобы в гетманские списки жемайтских воинов записывали на основании тиунских реестров, а не им лично записываться в гетманские: в) права военного администрирования жемайтийских тиунов серьезно подрывали принцип единоначалия гетмана Великого княжества Литовского²⁸. На Руси военные функции тиунов неизвестны²⁹.

Можно вздохнуть с облегчением – разыскали раннего представителя великокняжеской власти на местах, с „литовскими корнями“ и с древнерусским названием *тиун*, в обязанности которого входило хозяйственное, судебное и военное управление волостью. Но это пока не более, чем привлекательная гипотеза, так как военные обязанности “эталонного тиуна” слабо выражены. Этому, впрочем, можно найти объяснение. С середины XIV в. в Литве стал появляться великокняжеский староста *capitaneus*, командующий важными оборонительными замками края с ярко выраженными военно-административными функциями. Первое упоминание о таком должностном лице относится к 1364 г., им был *capitaneus* Велюонского замка Гоштаутас³⁰. Должность старосты стала вытеснять тиуна, оставляя ему более мелкие административные функции³¹. Можно предполагать,

28 *Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в.*, составитель тома: М. М. Кром. М., Варшава, 2002. № 37 (с. 95).

29 Свердлов М. Б. *Генезис и структура феодального общества Древней Руси*. Л., 1983. С. 211.

30 R. Petrauskas, *Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: sudėtis, struktūra, valdžia*. (Vilnius, 2003), 153, 157–160.

31 Должность *capitaneus* сформировалась во времена императора Фридриха II, при воздействии бюрократии Сицилии и Италии, и вводится в Польшу с конца XIII в., в которой становится основой нового аппарата местного администрирования, см.: S. Gawlas, *O kształt zjednoczonego królestwa: Niemieckie władztwo terytorialne a geneza społeczno-ustrojowej odrębności Polski* (Warszawa, 2000), 45, 59–60.

что старосте отошли военные функции тиуна. Последнее предположение так же сомнительно, как и вышеизложенная гипотеза. В источниках прослеживается лишь усиление старосты за счет тиуна. На основании §§ 9, 10 Судебника великого князя Казимира (1468 г.) можно говорить о более раннем (чем дата составления Судебника) этапе данного процесса, когда господарскими поветами (волостями) наравне могли управлять либо наместник (т.е. староста³²), либо тиун³³. В итоге староста победил. В Жемайтии же остались тиуны. Но к сказанному следует добавить, что делать акцент на военных функциях именно жемайтского тиуна не совсем корректно. Такое должностное лицо появилось там лишь в начале XV в.³⁴, и нам неизвестно, существовали ли какие-нибудь литовско-жемайские «предшественники» тиунов, или эту должность учредил великий князь Витаутас (Витовт) (княжил в 1392–1430 гг.). В итоге, наша рабочая гипотеза и предположения пока не подкреплены, и нам остается резюмировать, что, за исключением названия, тиун, может быть, и не был полностью древнерусским заимствованием, но доказать его литовское происхождение с помощью имеющихся исторических данных невозможно.

В формировании литовской структуры *волость-тиун* древнерусское влияние не исключено. Неотъемлемую часть волости (земли) составлял королевский (великокняжеский) двор *villa regis* (домен). По происхождению, это одна из самых ранних структур государственной власти на местах, в которой возможны древнерусские заимствования (к слову заметим, что более излюбленным термином у литовцев стал термин “двор” *dvaras*, а не родной *kiemas*). В древнерусских источниках отсутствуют данные о литовском королевском (великокняжеском) дворе на исходе XIII в., и это странно, так как в соседней с Литвой Руси эта структура функционирует³⁵. Такая “слепота” тем более выразительна, если вспомним, что о родственном двору княжеском *граде* Литвы *русские* знают³⁶. Но град Миндаугаса – это лишь

32 Там же, с. 157; Z. Wojtkowiak, „Urządnicy zarządu lokalnego na Litwie. Tytułatura zarządców powiatowych przed reformą administracyjną z lat 1565–1566,” *Studia źródłoznawcze* 24 (Warszawa-Poznań, 1979), 139–141.

33 *Kazimiero teisy nas (1468 m.)* (Vilnius, 1967), 28: ...9. А коли бы наш человек вину дал князьскому или паньскому или боярьскому человеку, а в котором повете, под нашим наместничством или тивуньством ...; 10. А будуть ли на нашем человеце князьскыи или паньскыи или боярьскыи люди чого искати: ино тому суд и право перед нашими наместьныкы и тивуны, который от нас где што дръжить....

34 V. Almonaitis, *Žemaitijos politinė padėtis 1380–1410 metais* (Kaunas, 1998), 172–173.

35 Свердлов М. Б. *Генезис и структура феодального общества Древней Руси*. С. 108–111.

36 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 818: ...Миндъвъгъ е...ї вниде во гра(д) . именемъ Воруота

замок, королевская крепость с военным гарнизоном. Он еще не превратился в сложную военно-хозяйственную единицу великокняжеской волости, о каковой мы можем говорить со второй половины XIV в., когда даже древнерусский термин *двор* прижился в литовском языке (например, *in des koningis dorf Dwaris* в 1385 г.³⁷). Но в королевстве Миндаугаса появляются и зачатки настоящего двора *curia*. Он в грамотах Миндаугаса дважды называется *curia in Lettowia* (т.е. *Datum in Lettowia, in curia nostra*, „дано в Литве, в нашем дворе“): в грамоте от июля 1253 г., в которой Ливонскому ордену дарит некоторые земли Литвы и в сфальсифицированной грамоте от июня 1260 г., в которой Ливонский орден объявляется главным наследником Миндаугаса, в случае, если тот умрет без потомства³⁸. Свидетелями воли короля в грамотах были магистр Ливонского ордена и некоторые братья. Часть братья и настоятелей ордена была поселена в Литве³⁹. В упомянутой сфальсифицированной грамоте 1260 г. упоминается конвент ливонских братьев в каком-то королевском дворе, поэтому обоснованно утверждается, что рыцари находились и в других важнейших замках Литвы (Генрих Ловмянский) или в подаренных им королем землях (Э. Гудавичюс)⁴⁰. Несомненно, что они принимали деятельное участие в появлении и усилении королевских дворов на местах. Еще раз приходится заметить: братья Ливонского ордена в Литве использовались как военно-исполнительная сила короля. В граде Миндаугаса Вороте рыцари защищали его от сил антиминдаугасовой коалиции в 1251 г.⁴¹ Взамен за помощь оружием и советом, он дарил земли Ордену⁴². Братьям Ливонского ордена Литовский епископ передал право собирания церковной десятины в Жемайтии. На первый взгляд в раннегосударственных дворах в период правления Миндаугаса (1236–

37 Die littauische Wegeberichte, *Scriptores rerum Prussicarum*, Bd. 2 (Leipzig, 1863), 701; A. Dubonis, „Dvaras,” *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai* (Vilnius, 2001), 150–153; A. Dubonis, „Dwór,” *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: Analizy i szkice* (Kraków, 2006), 150–165.

38 PUB-1/2, № 39 ir 106. Многие общественные реалии в фальсификате № 106 соответствуют действительности, см., H. Łowmiański, *Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*, t. 2 (Wilno, 1932), 355–356; E. Gudavičius, *Mindaugas*, 250.

39 H. Łowmiański, *Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*, 353–354; E. Gudavičius, *Mindaugas*, 244–245, 250.

40 PUB-1/2, № 106 (S. 92): *...conventum fratrum predictorum in nostra curia collocavimus speciali.*; H. Łowmiański, *Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*, 354; E. Gudavičius, *Mindaugas*, 250.

41 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 818: из Вороты... выѣхаша нѣмцѣ . со самострѣлы и ѣхаша на нѣ Роусь с Половци и стрѣлами . и Йтвази

42 PUB-1/2, № 39 (p. 34–35): *...ut ipsi fratres per se ac suos in expensis propriis maceriali gladio auxilio et consilio nobis ac regni nostri legitimis successoribus assistant perpetuo contra nostros et fidei inimicos....*

1263) отсутствует хозяйственная деятельность. Но представление не совсем отвечает действительности. Одно направление хорошо прослеживается. У Миндаугаса появляются слуги „паробки“ *конюхи*. О таких сообщается в 1264 г.⁴³ В будущем надзиратели великокняжеских конских стад и заводов в Литве создадут несколько профессиональных служб: конюхов, конокормцев, ошвиников (от лит. устаревшего *ašva* „кобыла“), ройтиников (от лит. *raitas* „едущий верхом“), *лейтев* и др.⁴⁴ Основное название этого служилого слоя великокняжеских людей – древнерусское. Оно крепко вросло в литовскую среду, как о том свидетельствуют сохранившиеся до наших дней деревни с именами конюхов в Литве *Kaniūkai* < *конюхи*. Но древнерусское влияние на образование этого служилого слоя литовского общества весьма сомнительно. Дело имеем с архаической традицией балтов и литовцев. Наличие коней было яркой чертой социального положения в прусском обществе в конце IX в. – свидетельствует Вульфстан⁴⁵. В литовской традиции IX – XIII вв. был обычай хоронить хозяина с конем, чтобы и в другой жизни он получал такие же важные услуги⁴⁶. Для разведения и ухода за конями необходимы профессиональные навыки и умения, которые передаются по наследству. Это сложное хозяйство⁴⁷. Напрашивается вывод: королевская, в дальнейшем – великокняжеская власть в Литве первым делом для своих военно-хозяйственных нужд постаралась подчинить или рекрутировать себе профессиональных коноводов.

43 ПСРЛ, т. 2, ст. 861: „... поча дѣмати конюси Миндовгови . д̄ . паробци . како бы лзѣ имь оубити Трената . вномоу же идоущоу до мовнича мѣтѣса . вни же оусмотрѣвши собѣ верема такова оубиша Тренатоу ...“. Отмечалось, что известие написано под влиянием хронографических сюжетов, см., Т. Вилкул, О некоторых источниках литовских известий Галицко–Волынской летописи, *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija*, sud. A. Dubonis (redkol. pirm.), Vilnius, 2006, p. 18. Однако факт наличия у Миндаугаса слуг конюхов не вызывает сомнений.

44 A. Dubonis, *Lietuvos didžiojo kunigaikščio leičiai: Iš Lietuvos ankstyvųjų valstybinių struktūrų praeities* (Vilnius, 1998), 26–27; по поводу *ошвиников*, см.: K. Jablonskis, *Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje*, d. 1: tekstai (Kaunas, 1941), 153–154.

45 Кобылье молоко – напиток королей и знати, незнатные довольствуются медом; имущество покойного эстия делиться на части и победитель, у которого самый быстрый конь, получает самую большую часть, поэтому быстрые кони дорогие, см., *BRMS*, t. 1, 168–169. Требующие профессиональных навыков работы выполняют отдельные роды; Вульфстан свидетельствует, что на прусской земле *Witland* есть род, который умеет производить мороз, см.: *Ibidem*, 169.

46 R. Volkaitė-Kulikauskienė, *Lietuvio kario žirgas* (Vilnius, 1971), 25.

47 S. Ekdahl, “Das Pferd und seine Rolle im Kriegswesen des Deutschen Ordens,” *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter (Ordines militares, T. 6)*, hrsg. von Zenon H. Nowak (Toruń, 1991), 29–47; S. Ekdahl, “Vokiečių ordino karo žirgai Prūsijoje,” *Žalgiris: Šiandienos žvilgsnis* (Vilnius, 1999), 44–63.

В так называемом Летописце Переяславля Суздальского сохранилась интересная пейоративная глосса о *литве: *литва ... испрѣва исконнии даници и конокорѣмци*⁴⁸. Отчасти она имеет подтверждение в литовском материале. Речь идет о *лейтях*, о архаичной прослойке слуг великокняжеского двора *villae regis*, которая содействовала укреплению центральной власти на местах – лейтская служба (от лит. Nom. sg. **leita* „литва“ >*leitis* > Nom. pl. *leičiai* (<**leitjai*)⁴⁹. Хотя первые данные о *лейтях* появляются в сравнительно поздних источниках (XV – начало XVI вв.), все же эта прослойка должна была существовать в тот период государственности Литвы, когда король сплачивал литовский этнос под единою властью и через создаваемые им дворы (домены, *curia*) проводил интеграцию подвластной себе территории⁵⁰. На раннее появление *лейти* указывает его древнее название, которое в сущности является этнонимом литовцев, до сих пор используемое у латышей (только в Жемайтии это обозначение с ярко выраженными пейоративными характеристиками литовцев функционировало до начала XX в.)⁵¹. Королевская власть создавала себе *лейти* из неизвестной ныне части литовского этноса. Такие преданные литовскому монарху воины-литовцы могли быть уже у Миндаугаса *литва Миньдога*, *литва ... людие Миндогови* и в более позднее время – у великих князей Альгирдаса (Ольгерда) и Кястутиса (Кейстута) (вторая половина XIV в.)⁵². Это дружинники низкого ранга, создававшие в королевских доменах на периферии военно-хозяйственные поселения и представлявшие его власть. Соответственно, синонимом лейтской службы скорее всего, было понятие „литовская служба“. Лейтская служба не была унифицирована: в одних дворах они были *конокорѣмци* (разводили боевых коней), в других – просто воинами (в некоторых местностях с функциями стражей границы), со слабо выраженными „полицейскими“ задачами, в третьих – крестьянами. Следовательно, в процессе образования королевского или великокняжеского двора (домена) и укрепления его на местах⁵³, начиная с королевства Миндаугаса, в каждом из них поселялись

48 ПВЛ. Ч. 2, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М., Л., 1950. С. 223.

49 S. Karaliūnas, Lietuvos vardo kilmė, *Lietuvių kalbotyros klausimai*, t. 35 (Vilnius, 1995), 81–82.

50 A. Dubonis, *Lietuvos didžiojo kunigaikščio leičiai*, 84–85 passim.

51 Название *leitis* напрямую связано с древнейшим названием Литвы **Leita* (>*leitis*). От него произошло современные формы имен Литва *Lietuva* (от *Leituva*) и литовец *lietvis*.

52 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776: „...Даниль же возведе на Кондрата . Литвою Миньдога “; ст. 840: „...бы(с) на Литвою съѣзѣ велика е...ї се бо бѣша людие Миндогови“; во время похода на Псков в 1341 г. Альгирдас ведет своих воинов-литовцев *Олгерд подим брата своего Кестоутия и мужь своих литовников*, см.: *Псковские летописи*. Вып. 2. М., 1955. С. 24.

53 В первой половине XVI в. в этнической Литве *лейти* известны в 31 дворе господаря. Но в том же веке этот социальный слой исчез.

люди господаря, *лейти* (литовцы), обязанные содержать себя земледельцы воины, немного напоминающие западноевропейских *agrarii milites*⁵⁴. О появлении господарских литовцев, „немного других литовцев среди литовцев“, имя которых напрямую связано и с названием государства, нам указывает идентичность имен двора и государства в источниках времен Миндаугаса – выше цитированная датация *in Lettowia in curia nostra*.

Итак, ранний двор литовского господаря имеет следующие специфические черты. Это военные замки, в которых (но не во всех) во время королевства Миндаугаса присутствуют братья Ливонского ордена с функциями исполнительной власти на местах. При замках (дворах, *curiae*) поселяются выполняющие военно-хозяйственные функции слуги – это универсальные *лейти* (литовцы) господаря и профессиональные коневоды. Впрочем, и *лейти* разводят боевых коней. На начальном этапе образования великокняжеского двора древнерусское влияние отсутствует. В нем мы находим именно дальнейшее развитие догосударственных литовских общественных процессов, которые ускоряются под прямым воздействием влияний Ливонского ордена. Братья с самого начала завоевания язычников Ливонии пользовались простой моделью экспансии и подчинения: от местной знати получали себе экстерриториальные части в замках и волостях⁵⁵. Надо думать, что братья пользовались местным обычаем, согласно которому, при выражении подданства (подчинения) в замки и волости впускались люди нового господина. Например, в замке селов на левом берегу Даугавы находился литовский гарнизон, охранявший переправу через реку. В 1207 г. рижане заняли замок и селы им обязались больше не впускать к себе литовцев⁵⁶.

На вышеприведенных примерах можно убедиться, что наличие в литовском обществе собственных и заимствованных терминов социальной, политической и хозяйственной жизни в период становления государства – далеко не случайность. Они много говорят о состоянии общества в тот или иной период, о его насущных потребностях. Однако важно и то, что употребление нелитовских терминов отнюдь не указывает на масштаб чужого влияния и заимствований. Занятие этими проблемами – дело сложное и не всегда плодотворное из-за ничтожно скудных источников литовской истории XIII – первой половины XIV вв. Тем не менее, внимательные исследователи не раз выражали сомнения по поводу определения древнелитовского государства как своеобразной формы древнерусской государственности. Познаньский

54 M. Bloch, *Spółeczeństwo feudalne* (Warszawa, 1981), 293–294, 298, 301, 303.

55 Назарова Е. Л. *История лейманов в Ливонии: местное землевладение в Латвии и Эстонии XIII–XVIII вв.* М., 1990. С. 53–55.

историк Ежи Охманьски одним из первых взялся за инвентаризацию социально-административного влияния древнерусского общества на Литовское государство в XIV – XV вв., и пришел к выводу, что самые ранние заимствования в сфере организации государственного аппарата в Литве могли появиться в первой половине XIV в.⁵⁷ Его мнение поддержал С. Ц. Роуелл. Тезис о славянском влиянии на становление Литовского государства он оценивает критически и утверждает, что воздействие Руси на Великое княжество Литовское началось спустя шестьдесят лет после периода внутренних объединительных процессов⁵⁸.

Здесь мы не оспариваем воздействия более цивилизованных соседей на Литву. Таковые действительно были, поскольку неразвитость литовского общества предоставляла благодатную почву для этого. Правящая литовская элита не препятствовала проникновению влияний западной или восточной цивилизации, так как это повышало ее социальный статус в глазах соплеменников. С другой стороны, характерно, что заимствования тесно переплетались с местными общественными процессами и наслаивались на них, что вело к образованию древнелитовского общества, а не бесцветных копий древнерусской, немецкой или польской культур.

Lietuvos istorijos institutas

56 Henricus de Letis. *Chronicon Livonicum vetus, Scriptores rerum Livonicarum*, Bd. 1 (Riga u. Leipzig, 1853), XI.6.

57 J. Ochmański, *Dawna Litwa: studia historyczne* (Olsztyn, 1986), 81–82.

58 S. C. Rowell, *Lithuania Ascending: a Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345* (Cambridge, 1994), 295; S. C. Rowell, *Iš viduramžių ūkų kylanti Lietuva: pagonių imperija Rytų ir Vidurio Europoje, 1295–1345*. Iš anglų kalbos vertė O. Aleksa (Vilnius, 2000), 313.